

УДК 101.3

СПЕЦИФИКА РИЗОМОРФНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ МАНИПУЛЯЦИИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Е. В. Авдеенко

Воронежский государственный технический университет

Поступила в редакцию 25 марта 2025 г.

Аннотация: цель исследования – определение особенностей социальной манипуляции в современном обществе. Современное общество является информационным, сетевым, цифровым, ризоморфным. Функционирование форм общественного сознания и трансформации поведенческой активности происходят под влиянием факторов, детерминируемых спецификой современного общества. Значительная часть социальных процессов сегодня происходит в виртуальной реальности. Виртуальные стимулы вызывают реальные поведенческие акты. И информационный, и сетевой, и виртуальный характеры задают повышение интенсивности неопределенности движения и трансформации информации, что существенно затрудняет организацию и реализацию классической субъект-объектной манипуляции. Ризоморфность современного социального устройства, в отличие от сетевого, выражается в том, что детерминирующий характер имеют отношения между ячейками, а не сами ячейки. Ячейка понимается как вектор, а не точка. В ризоморфной манипуляции появляются новые средства – интернет-мемы, сходные по задачам, но отличные по сути, от нарративов, используемых в классической манипуляции. В ризоморфном обществе массовая манипуляция утрачивает векторную иерархическую субъект-объектную детерминацию. Субъект и объект манипуляции могут меняться местами.

Ключевые слова: информационно-цифровые технологии, сетевое сообщество, сеть Интернет, виртуальная реальность, векторная манипуляция, ризоморфная манипуляция, интернет-мемы.

Abstract: the author set a goal in the course of this study to determine the features of social manipulation in modern society. Modern society is informational, networked, digital, rhizomorphic. The functioning of forms of public consciousness, on the one hand, and the transformation of behavioral activity, on the other, occur under the influence of factors determined by the specifics of modern society. A significant part of social processes today occurs in virtual reality. Virtual and material realities have strong interconnections in both individual and social consciousness. Virtual stimuli cause real behavioral acts. Virtual actors inspire trust only if the recipient has no doubts about their physical and mental existence. Both the informational, networked, and virtual nature set an increase in the intensity of uncertainty of movement and transformation of information, which significantly complicates the organization and implementation of classical subject-object manipulation. The rhizomorphism of the modern social structure, in contrast to the network one, is expressed in the fact that the relations between the cells, and not the cells themselves, have a determining character. In this case, the cell is understood as a vector, and not a point. In rhizomorphic manipulation, there appear new tools - Internet memes - similar in tasks, but different in essence, from the narratives used in classical manipulation. In a rhizomorphic society, mass manipulation loses the vector hierarchical subject-object determination. The subject and object of manipulation in a rhizomorphic society often change places. Figuratively, these phenomena can be compared with the phenomena occurring in quantum mechanics. Remaining a cell of the rhizome, the subject becomes the object of the manipulation initiated by it. And the object of information influence, transmitting and transforming it, becomes the subject of manipulation.

Key words: information and digital technologies, online community, Internet, virtual reality, vector manipulation, rhizomorphic manipulation, Internet memes.

Институт власти регулирует и организует деятельность как в сфере межличностных отношений, так и в сфере социальности. Он функционирует в различных формах и на основе различных инстру-

ментов. Одним из наиболее распространенных инструментов функционирования института власти является манипуляция социальным поведением. Социальная манипуляция – «это форма властных

© Авдеенко Е. В., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

отношений посредством латентного, высокопрофессионального, технологического управления поведением через формирование в психических структурах человека определенных целей, установок, поведенческих паттернов и ценностей, где индивид рассматривается как объект, а не как личность (в классическом определении личности в отечественной психологии)» [1, с. 588]. Массовые манипуляции пронизывают социальную жизнедеятельность. Манипуляция существует с древних времен, ее технологии и цели меняются в ходе общественно-исторического развития. Информационность современного общества создает предпосылки для обновления технологий, целей и средств. Оно функционирует в значительной мере на основе информационно-цифровых технологий, в результате чего формируется виртуальная реальность. В виртуальной реальности и сетевой организации развивается ризоморфная структура социального устройства с новыми, по сравнению с классической, особенностями взаимодействия и передачи информации. Это создает условия для возникновения новых явлений массовой манипуляции.

Виртуальная реальность, информационное общество, сетевое общество – социогуманитарный дискурс

Уточним, что в социогуманитарной литературе понимается под термином «виртуальная реальность». По мнению Л. В. Баевой, виртуализацию жизненного пространства человека следует рассматривать «как феномен перенесения из реальной сферы в виртуальную важнейших сфер жизнедеятельности личности, таких как коммуникация, работа, образование, творчество, досуг, получение услуг, товаров, новых знаний, навыков, удовольствий» [2, с. 8]. «Современный человек сегодня уже не классический *Homo Sapiens*, а значительно виртуализированный био-социо-электронный субъект, направляющий свою активность не только в социальную, духовную сферу, окружающую природу и мир культуры, но и в новую виртуальную среду, преобразующую своего создателя, формирующую его новые возможности и потребности» [там же, с. 9].

В результате виртуализации жизнедеятельность человека по-новому репрезентируется. Этот процесс проходит ряд этапов. На первом этапе индивид как бы обнаруживает себя в двух средах, существующих одновременно и параллельно. По мере повышения интенсификации жизнедеятельности в виртуальной среде снижается ощущение разности и параллельности процессов, происходящих с человеком в классической и виртуальной реальности. Эмоции и переживания событий, происходящих в обеих средах, обретают одинаковое значение для индивида. Впоследствии виртуальная реальность начинает «поглощать

активность» субъекта. Наш мозг стремится к экономии энергии. Бессознательно мы совершаем выбор в сторону наименее затратного пути к «удовольствию». Мы бы не хотели сводить понимание удовольствия исключительно к гедонистическому формату. В контексте виртуальной реальности для мозга становятся более доступными и «эпикурейские радости»: наслаждение жизнью, познанием, социальным взаимодействием, индивидуальным развитием – всё это оказывается намного более доступным обывателю в виртуальной среде.

В онтологическом смысле для индивида бытие реальное не отличается от бытия виртуального. И если на первом этапе знакомства с виртуальной реальностью индивид ощущает новизну бытийствования, то с опытом он перестает разделять эти сферы: всякое виртуальное событие в пространстве его сознания обретает смысл, представленный для него в ощущениях.

С гносеологической точки зрения в виртуальной реальности критически возрастает фактор неопределенности. В. Афанасьева пишет: «Неопределенность является важнейшим предикатом виртуальности. <...> Часть человеческого сознания осознает мир реальный, часть – мир виртуальный, сам человек находится в пограничном, переходном состоянии, его личность раздваивается. <...> Виртуальность постоянно производит новое: физические взаимодействия, разные движения, реальные частицы или что-то еще, какое-то иногда неведомое нам Нечто. Таким образом, способность творить, создавать новое и связанные с ними случайность, непредсказуемость, неопределенность являются существенными свойствами виртуальности» [3].

Да, неопределенность в виртуальности выше, так как вариантов развития событий в каждой точке бифуркации виртуальность предоставляет больше, чем материальная реальность. По нашему мнению, это существенный количественный, но не качественный разрыв. Тем более мы не можем согласиться с утверждением о «раздвоении личности», скорее речь идет о формировании новых социальных ролей, субличностей при включении индивида в виртуальное пространство. В виртуальном взаимодействии их может быть больше, чем в реальном. Однако мы не готовы признать, что в онтологическом смысле переживания событий виртуальной реальности принципиально отличаются для индивида. Бытие человека едино. Мы можем выделять его виртуальную экзистенцию гносеологически, «технологически», но не онтологически.

Виртуальная реальность часто формируется и реализуется в сетевом обществе, которое трансформирует социальные процессы. Сетевое общество, как аспект современного общества, имеет многие харак-

теристики информационного общества. М. Кастельс говорит о сетевом обществе: «общество, социальная структура которого выстраивается вокруг сетей, активируемых с помощью переведенной в цифровую форму информации и основанных на микроэлектронике коммуникационных технологий» [4, с. 41].

У. Матурана и Ф. Варела обнаруживают рекурсивные свойства сетевой структуры общества [5, с. 358]. Сеть, с одной стороны, подвержена влиянию внешних импульсов, с другой – способность, готовность и потенция к внутренней трансформации имманентно присущи ей [6, с. 358].

Технологически и организационно сетевое общество детерминировано системами цифровой коммуникации. Это становится основой возникновения и распространения виртуальной реальности, которая, в свою очередь, формирует новые смыслы и события материальной реальности. Под влиянием виртуальных переживаний трансформируется поведенческая активность субъектов. Виртуальные события вызывают в нейрогуморальных системах человека аналогичные реальным изменения, в результате он совершает определенные действия или формирует поведенческие паттерны, которые могут реализовываться и в виртуальной, и в материальной реальности без критического осмысления их актуальности в пространстве реализации. Возникает иллюзия, что виртуальная реальность репрезентируется в материальном мире лишь посредством цифровых, компьютерных технологий. Но нет, так как ощущения, восприятие, эмоции человека благодаря их нейрогуморальной основе материальны. Воспринимаясь сознанием, виртуальные события усваиваются и бессознательно, в том числе эвристической Системой 1 (понятие, которое вводят Д. Канеман и А. Тверски). Система мышления 1 не различает реальные и виртуальные события и продуцирует поведение в обеих реальностях. Система 2 – рациональное мышление, способное к анализу, критическому осмыслению, многофакторной обработке информации. Важно учитывать, что подавляющее большинство решений и действий в жизни человека продуцируется Системой 1, которая не придает значения различиям образов виртуальной и материальной реальности [7, с. 20]. Так, для обывателя жизнедеятельность в виртуальной и материальной реальности мало чем отличается, однако, с гносеологической и феноменологической точки зрения, отличается для социума.

В рамках нашего исследования рассмотрим, как это происходит в процессе социальной и политической манипуляции. В 2020 г. в США произошло убийство Джоржа Флойда (преступника и наркомана, который был непреднамеренно убит полицейским в момент задержания). Информация о смерти человека вызывает у каждого индивидуума определенные, но

при этом самые разные переживания. Что происходит в сетевом сообществе? Лидеры общественного мнения выражают свое отношение к этому событию, присваивают ему определенные оценки и коннотации. Сетевое сообщество обывателей подхватывает и эскалирует соответствующие переживания в общественном сознании, реализуемом лишь в виртуальной реальности на этом этапе. Формируются ментальные паттерны – массы представителей сетевого сообщества обретают конкретное отношение к этому событию. А затем социальная и политическая манипуляция заставляет значительную часть представителей сетевого сообщества выйти в реальное пространство и совершать вполне предметную деятельность. И вот уже американский президент выступает с заявлениями по этому поводу, тем самым усиливая виртуальную эскалацию, а впоследствии вносятся изменения в законы и принципы поведения – нормативные формы общественного сознания. К сожалению, как непреднамеренные, так и преднамеренные убийства самых разных людей происходят во всем мире ежедневно. Но здесь и сейчас наше социальное и материальное поведение меняют именно те события, которым придали определенные коннотации технологи и идеологи массовых манипуляций (Ж. Бодрийяр «Войны в заливе не было» [8]). Иногда такие явления происходят стихийно, без технического просчета, активации и мобилизации лидеров общественного мнения. А случаются социальные явления, поводом для которых становятся события и вовсе не происходившие в материальной реальности (художественный фильм «Хвост виляет собакой»; сюжет о «распятом мальчике»).

В ходе сетевой эскалации эмоций по поводу того или иного события, репрезентированного для участников сообщества лишь в виртуальной реальности, происходят трансформации форм общественного сознания, определяющих наше поведение в той реальности, которую мы считаем объективной и которая обретает материальные воплощения и формирует новые предметы социального договора – происходят этические и аксиологические изменения.

Значительную роль в этих процессах играют социальные сети Интернета, веб-ресурсы (платформы, сервисы, сайты.), предназначенные «для организации социальной коммуникации и извлечения социального капитала. Они способствуют канализированию, искусственно создаваемых в социальных сетях, протестных настроений интернет-пользователей в “твиттерные” или “цветные революции”, показавшие свою эффективность в разных странах мира, в том числе и на постсоветском пространстве» [9].

В политтехнологиях социальные сети используются всё шире и шире. Трудно переоценить те ресурсы, которыми они обладают, с точки зрения распространения информации, убеждения и мобилизации

масс. Интересно, что технологии политического манипулирования используются также для внутривнутриполитической борьбы: например, конкуренты могут создавать и «запускать» в сеть сюжеты компрометирующего содержания. Сетевые технологии используются экстремистскими и террористическими организациями и для вербовки, и для внутренней коммуникации сторонников. Классическое векторное субъект-объектное управление «сверху» и массовая манипуляция в сетевой социальной структуре реализуются по-разному.

Ризоморфная структура социальной организации

Делез и Гваттари вводят концепт «Ризома» («la rhizome»). Его основой служит образ мицелия – гриба. На первый взгляд, этот конструкт не отличается от сетевой структуры: существует множество ячеек, продуцирующих какую-либо деятельность, не детерминированную иерархически.

Однако сетевое общество, и информационное в том числе, определяет ячейку как фигуру: каждая ячейка имеет значимость в структуре, нет иерархии, но детерминирующей сущностью является ячейка. Тогда как в ризоме отношения «создают» ячейки. Если в ризоме не возникли отношения с какой-либо ячейкой, ее не существует, с одной стороны, а с другой – именно характер отношений определяет онтологический смысл ячейки (например, человек не станет мужем или женой, не вступив в брачные отношения).

В отношении сетевого общества существует общее мнение о том, что каждая ячейка равнозначна другой состоящей в этой сети. Однако Делез и Гваттари обращают внимание на то, что это не так: ячейки не равнозначны. «Ризома сама по себе имеет очень разнообразные формы, начиная со своей внешней протяженности, разветвленной во все стороны, до конкретизаций в луковицы и клубни» [10]. А самое важное – ризома не есть структуралистская проекция – статическая и зафиксированная в моменте. Каждая ячейка на самом деле представляет собой вектор. Мы бы хотели дополнить этот тезис тем, что каждая такая ячейка во времени постоянно проходит точки бифуркации и обретает новые векторы.

В то же время ячейку ризомы можно понимать не только как часть системы, но и как «ген» – единицу информации, способную продуцировать новую ризому. И это еще одно принципиальное отличие ризоморфного общества от иерархического и сетевого.

Манипуляционная емкость информации в ризоморфном обществе находится в минимальной зависимости от источника информации. Любой контент, оказавшийся в ризоме, может обрести самые разные поведенческие и материальные последствия. Если в

«доризоморфном обществе» значимостью обладал лишь контент, продуцируемый источниками, облеченными властью (официальной или харизматической), то в ризоморфном обществе каждая его ячейка, как ген, способна создавать не только новое знание, но и влияющее на всю структуру. Делез и Гваттари обращают внимание, что ризоморфная социальная организация исключает линейность и векторную направленность информационных потоков [11] – движение информации в ризоме происходит одновременно по бесчисленному количеству каналов в непредсказуемых последовательностях. То есть для осуществления ризоморфной манипуляции невозможно создать конкретные ресурсы, каналы и контент, которые будут давать прогнозируемый эффект значимо продолжительное время.

Интересно, что выключение ячейки ризомы из сети не становится фатальным. В новом виртуально-цифровом пространстве остракизм не может быть казнью, залогом смерти ячейки общества. Каждая ячейка, как ген – носитель информации, может стать, с одной стороны, началом новой ризомы, с другой – не создаст иерархической структуры. Ярким примером такого явления стала история «Ревущего котенка». Это никнейм американского сетевого обывателя, который вложил все (не большие по биржевым меркам) деньги в акции умирающей компании, продающей компьютерные игры на дисках. Ввиду того, что в большинстве современных цифровых устройств уже отсутствуют дископриемники, профессиональные биржевые брокеры перестали вкладываться в акции компаний, которые имели основной доход с продажи дисков. Однако этот персонаж, будучи рядовым блоггером локальной сети, привлек внимание подписчиков к своему вложению. Значительную роль в масштабизации сети последователей сыграл социальный протест. Мотивация вложений индивидуальных инвесторов (обывателей, играющих на рынке акций), с одной стороны, подогревалась естественным стремлением к заработку, с другой – стремлением противостоять власти имущим, «узурпаторам», «коррупционерам», «корпоративным воротилам», элитарным профессиональным инвесторам. Некоторые определения мы приводим в кавычках в связи с тем, что достоверно не известна их сущность. Однако! В сетевой, цифровой, информационной и теперь уже ризоморфной манипуляции «сущность» не имеет никакого значения. В обществе Постмодерна истина не открывается, а создается. Сущность определяется коннотациями, принятыми ячейками ризомы. Не реальность создает информацию, а информация формирует реальность. В результате массового вложения «рядовых пользователей сети» произошел «обвал биржевого рынка». В современной экономической теории это называют «черный лебедь» – со-

бытие непредсказуемое, но оказывающее революционное влияние на динамику и направления социальных процессов. «Мир политиков и экспертов всё чаще и всё более жестко сталкивается с проблемой соответствия (точнее, не соответствия возникающей реальности данным социальных измерений и прогнозов» [12, с. 21].

Так осколок биржевой ризомы создает свою ризому, которая живет и развивается в своих векторах, не нарушая при этом всеобщего социального договора – моральных и правовых принципов общей ризомы, внутри которой она образовалась. В результате слушаний в конгрессе США «Ревущий котенок» был оправдан, тогда как организованных инвесторов за подобные действия по закону бы осудили. Бесспорно, и ранее социум продуцировал новые отделяющиеся структуры, но, отделяясь, они обретали иерархичность, центричность.

Как меняются принципы манипуляции в ризоморфном обществе?

Первое. Векторная манипуляция в нем по-прежнему работает. Работает и в феноменологическом, и в капиталистическом смыслах. Все крупные корпорации создают свое информационное поле. В маркетинговом и рг-бизнесе существуют «блогофермы» – организованные сообщества людей, которые создают фейковые аккаунты, «выращивают» их. Отсюда понятие «ферма» – новая, «пустая» страничка в соцсети не привлечет внимание и тем более не станет «лидером общественного мнения». Человек по-прежнему имеет потребность в реальном социальном взаимодействии. Особенно ярко это проявляется в вопросах доверия. Это еще и до интернетизации использовали маркетологи: «я – Лёня Голубков» – никто не готов верить собирательному, виртуальному образу, но осознание того, что под виртуальным образом скрывается реальный человек, повышает доверие к его высказываниям. Вероятно, причиной этому является тот факт, что развитая эмпатия способствовала и онтогенетическому, и филогенетическому выживанию. Наша психика и сознание устроены таким образом, чтобы считывать эмоции окружающих нас людей. Не случайно, в отличие от многих других видов, мы обладаем мимикой – искусством выражать эмоции.

Это интересное явление. С одной стороны, виртуальные события для нас реальны, с другой – реальны они лишь в том случае, если мы верим в материальность их основы. А в функциональном смысле – детерминированность их человеческой психикой. Вера реципиентов ризоморфного общества в то, что сюжет, созданный с манипуляционными целями, происходил в материальном мире с обладателями человеческой психики, является необходимым, хотя и недостаточным условием эффективности манипу-

ляции. В связи с этим важно отметить, что искажение информации на каждом его этапе может иметь стихийный и управляемый характер. Большинство «блогоферм» основной своей задачей имеют не столько «вброс», сколько коррекцию и направление идеологического контента. Так, основными функциями их сотрудников являются отслеживание и обесценивание «нежелательных» комментариев, удержание дискурса по теме в определенных манипулятором рамках.

Второе. Принципиально новое явление, отличающее векторную манипуляцию от ризоморфной, заключается в том, что в последней происходит слияние субъекта и объекта манипуляции.

С одной стороны, это выражается в том, что объекты манипуляции, будучи в нее вовлеченными, начинают ее продуцировать, становятся манипуляторами, не осознавая этого, имея совершенно отличные от инициатора манипуляции мотивы. В ризоме идеологические максимы не просто передаются из уст в уста, они становятся основами симулякров, тем самым развивая и, в определенной степени, трансформируя идею. Субъект манипуляции «вбрасывает» образ, бесчисленное количество ячеек ризомы его воспринимает, а отдельные объекты его трансформируют, дополняют, модифицируют, зачастую таким образом, что с точки зрения целей манипуляции, он приобретает обратный смысл. Благодаря тому, что в ризоморфной манипуляции с информацией работает бесконечное число пользователей одновременно, существенно растет фактор неопределенности ее результатов. Особую выраженность этот феномен имеет в воплощении и трансформации «интернет-мемов». Основатель меметики Р. Докинз называет мемами единицы культурного кода – репликаторы общественного сознания: «После смерти от нас остаются две вещи: наши гены и наши мемы» [13, с. 68]. С постмодернистской точки зрения «мем» – это симулякр – некий образ, смысл которого имеет собственное значение, находящееся в существенном отрыве от значения его прообраза. Мем вызывает эмоции и благодаря этому реплицируется. Например, мем с котиками, которые смотрят на рыбу: «– Рыбу продаете? – Нет, только показываем. – Красивое». Картинка появилась в сети еще в 2014 г., но именно этот текст был добавлен в 2021 г. и тогда получил массовое распространение. Текст стал использоваться и в бытовом обиходе, и в маркетинговых целях. Многие крупнейшие компании (Сбербанк, Самокат, Яндекс и др.) использовали элементы этого мема в своем продвижении. Трансформации мема появились в социальных пабликах, продвигающих в том числе информацию идеологического характера. Возникает соблазн сравнить мем с анекдотом или нарративом. Но нет, мем как раз и есть симулякр, потому что является образом, а не сюжетом. Некоторые современ-

ные исследователи считают, что мем – это некое упрощение нарратива или идеологического интроекта, однако мы не можем с этим согласиться. Если эксплицировать мем, он как симулякр может представлять намного более сложным конструктом и с эмоциональной, и с когнитивной точки зрения.

С другой стороны, происходит «обратный заброс индоктринации»: создатели манипуляционной идеи и технологий, оставаясь ячейками ризомы, испытывают ее влияние, т. е. становятся объектами манипуляции, ими же инициированными.

Как считает В. Б. Строганов, «особенность ризоморфной политической манипуляции, которая отличает ее от традиционной – векторной, – это универсальность применения на различных интернет-платформах, активное использование конкретных интернет-ресурсов, слияние субъекта и объекта в “манипулируемого манипулятора”, неосознаваемый субъектом характер манипулирования» [14, с. 94]. К ризоморфным технологиям, по мнению В. Б. Строганова, следует отнести следующие: «“Sock puppet”, “Окно Овертона”, “Языковое манипулирование”, “Twitter-революция”, технология “общего вагона” (или технология Гранфаллуна), технология фактоидов, технология флешмобов» [14].

Подводя итоги анализа особенностей ризоморфной манипуляции, мы приходим к выводу о том, что от векторной субъект-объектной манипуляции она отличается принципиально более существенной значимостью фактора неопределенности и слиянием субъекта и объекта процесса манипуляции.

Как отмечалось ранее, манипуляция представляет специфическую форму субъект-объектных отношений, а именно скрытое для объекта управление его поведением. В случае ризоморфной манипуляции субъект-объектные отношения имеют место, но значительно трансформируются. В частности, если в коммуникациях традиционного общества неосознанность процесса характерна для объекта манипуляции, то в ризоморфной манипуляции неосознанность процесса присуща и субъекту манипуляции. И этот факт является одной из причин специфики ризоморфной манипуляции. Особенности ризоморфной манипуляции наглядно иллюстрирует образ перформанса. Что представляет собой перформанс в этом контексте? Это ситуация неопределенности, характеризующаяся невозможностью подвести происходящее под готовые интерпретативные схемы. Вторая черта перформанса может быть охарактеризована как двойное стирание границ: во-первых, стирание границ между субъектом и объектом манипуляции. Перформанс вовлекает каждого участника коммуникации в событие и делает каждого ответственным за происходящее; перформанс устанавливает между участниками невидимые связи, которые отсутствуют

в ситуации векторной манипуляции. Во-вторых, манипулятор остается субъектом и в то же время объект манипуляции становится ее субъектом, т. е. стирается грань между субъектом и объектом манипуляции, создается ситуация манипуляции манипулируемым.

В ходе исследования особенностей массовой манипуляции мы предположили, что появление новых форм социального устройства может продуцировать новые явления классических общественных процессов. Мы ставили перед собой задачу выявить особенности массовой манипуляции в ризоморфном обществе, изучить их детерминации. Для этого мы определили особенности векторной манипуляции, эксплицировали понятие «ризоморфное общество». Определили его особенности в контексте «манипуляционной емкости»:

- в ризоморфном обществе отношения создают ячейки, а не ячейки продуцируют отношения;
- значительная часть контактов (отношений) участников ризомы реализуется в виртуальном пространстве;
- ячейка понимается как вектор, а не как точка;
- каждая ячейка может стать независимой, выйти, основать, но не обязательно возглавить новую ризому.

Анализ этих особенностей ризоморфного общества позволил нам сделать ряд заключений о характере, динамике и новых явлениях массовой манипуляции в нем.

Манипуляция в виртуальной реальности ризоморфного общества может иметь выраженные материальные последствия.

Сознание ризоморфной ячейки, погруженное в виртуальную реальность, испытывает доверие лишь к тем ячейкам этого общества, которые мыслит физически и психически существующими.

То, что каждая ячейка может, отделившись, не погибнуть, а создать новую ризому, крайне затрудняет традиционное векторное социальное управление. В связи с этим повышается «социальная потребность» в манипуляционном управлении ризоморфной структурой.

Распространяемая путем ризоморфной манипуляции информация подвержена фактору искажения, в связи с чем существенно увеличиваются фактор неопределенности и затраты ресурсов на контроль и коррекцию движения информации.

Ключевым средством ризоморфной политической манипуляции являются политические интернет-мемы.

В ризоморфном обществе происходит слияние субъекта и объекта манипуляции. С одной стороны, объект становится субъектом манипуляции, продуцируя ее новые образы и стимулы, с другой стороны,

будучи ячейкой ризомы, субъект становится объектом манипуляции.

Современные социальные процессы в значительной степени протекают в цифровой интернет-сфере. В результате векторная модель социального манипулирования активно дополняется ризоморфной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдеенко Е. В. Манипуляция как социальный феномен // *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*. 2023. Т. 48, № 3. С. 580–590.
2. Басва Л. В. Виртуализация жизненного пространства человека и проблемы интернет-игровой зависимости (IGD) // *Философские проблемы информационных технологий и киберпространства*. 2016. № 1 (11). С. 7–19.
3. Афанасьева В. Виртуальная реальность и неопределенности. URL: https://proza.ru/2009/05/22/882?ysclid=17ag80sc1c234601471_
4. Кастельс М. Власть коммуникации. М. : Издат. дом ВШЭ, 2016.
5. Матурана У., Варела Ф. Древо познания : биологические корни человеческого понимания. М. : Прогресс-Традиция, 2001.
6. Москалев Е. И. Инновационная сложность самообучающихся систем. М. : Прогресс-Традиция, 2011.
7. Канеман Д. Думай медленно... решай быстро. М. : АСТ, 2013.
8. Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в заливе не было. М. : РИПОЛ Классик, 2016.
9. Манойло А. В. Цветные революции и технологии демонтажа политических режимов // *Мировая политика*. 2015. № 1 С. 1–19. URL: http://e-notabene.ru/wi/article_12614.html
10. Deleuze G., Guattari F. Capitalisme et schizophrénie. Mille plateaux. Paris : Les Editions de Minuit, 1980.
11. Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Глава первая. Альманах «восток». URL: http://www.situation.ru/app/j_art_1023.htm
12. Подопригора А. В. Гнездо «Чёрного лебедя» : особенности и риски социальных измерений в сетевом обществе // *Социум и власть*. 2017. № 2 (64). С. 21–27.
13. Докинз Р. Эгоистичный Ген. М. : Изд-во АСТ : Corpus, 2017.
14. Строганов В. Б. Ризоморфная политическая манипуляция в интернете : специфика и технологии // *Вопросы управления*. 2021. № 6. С. 94–104.

Воронежский государственный технический университет

*Авдеенко Е. В., кандидат философских наук, доцент
кафедры философии, социологии и истории
E-mail: jjaane@yandex.ru*

Voronezh State Technical University

*Avdeenko E. V., Candidate of Philosophy, Associate
Professor of Philosophy, Sociology and History Department
E-mail: jjaane@yandex.ru*